

Педер Хузангай «По поэту судят о его народе...»

По поэту судят о его народе... Эти простые и мудрые слова принадлежат народному поэту Башкирии Мустаю Кариму, и сказаны они о народном поэте Чувашии Педере Хузангае (1907-1970), чьи стихи и поэмы вошли в золотой фонд чувашской советской поэзии и приобрели в нашей стране широкую популярность.

Мир для П. Хузангай был открытой книгой, и он умел читать эту большую книгу. Он свободно творил и на чувашском, и на русском языках. Может быть, от этого немало зависело то, что стихи его находили живой отклик среди читателей Украины, Грузии, Татарии и Карелии, Кавказа и Латвии. Всюду у него были добрые и близкие друзья, подлинники поклонники его многогранного таланта.

Он - автор прекрасных стихотворений о прошлом, настоящем и будущем чувашского народа, ставшего полновластным хозяином своей жизни после Великой Октябрьской социалистической революции. Никто до него не сумел так глубоко проникнуть в историю родного народа, его мировоззрение. В его творчестве отразились трудолюбие и героизм, богатая и открытая душа родного народа.

П. Хузангай горячо любил чувашский народ, свой родной край. Он глубоко сознавал свое неразрывное единство с народом, был полон неподдельного восторга от мужества и стойкости, неукротимой энергии творческого труда нашей нации. Это чувство особенно ярко выражено в его стихотворении «Чуваш», которое можно было бы поставить эпиграфом ко всему творчеству поэта. В нем он писал:

Я очень, очень стар! Истории заря
Едва лишь занялась - я вспрынул ото сна;

Под небом голубым - без бога, без царя - .
На поле зашагал: меня звала весна.
Над залежью веков, усердием горя,
Сгибался долго я. Взрыхлилась целина.
К пришельцу позднему была добрей она:
Мой деревянный плуг прошелся там не зря.
Где путь мой не пролег? Запомнил я навек
Палящий зной пустынь и вечный горный снег.
Рычание львов в ночи, кораллы в теплом море...
Пусть твердо знает мир, с природой в вечном споре
Я создал, как и все, богатство, красоту;
Творцом всеобщих благ себя по праву чту.

П. Хузангай пришел в чувашскую поэзию в середине 20-х годов. Человек от сохи и плуга, он с детства знал, чем пахнет черный хлеб, всем сердцем чувствовал величие коллективного человеческого труда во имя общего счастья. Он стал летописцем исторических преобразований в нашей стране. Уже в своем первом сборнике стихотворений «Рассвет» поэт воспел утро Родины, вместе с ранними солнечными лучами принесшее простым людям радость жизни. Он создал героическую поэму о бакинских комиссарах «Двадцать шесть», рассказал о гиганте советской индустрии на Урале («Магнитту»), в грозные годы Отечественной войны восславил смелый подвиг русской девушки Зои Космодемьянской («Таня»). Вершиной творчества поэта стал роман в стихах «Аптраман тавраш» - широкое полотно с философскими раздумьями о счастливой и трудной судьбе родного народа, о его трудовых и боевых подвигах, о крепкой, как гранит, дружбе народов СССР.

Еще в колыбели маленький Педер от матери, умной и сильной женщины, слышал родную песню и с этой песней прошел по всей своей не-

легкой, но полной радостного и самозабвенного труда жизни. Родной край признал его своим народным савчи, что на древнем чувашском языке означало - пророк и оратор. Это имя больше, чем кому-либо, подходит Педеру Хузангаю, который чувашской поэзии отдал всю свою душу, весь свой большой талант. «Если Сеспель в чувашской поэзии - подснежник, то Педер Хузангай - целый букет ярчайших чувашских цветов, выросших на берегу Волги и замеченных по всей советской земле и далеко за ее пределами... Он любим во всей нашей стране, любим каждым, кто любит поэзию», - писал о П. Хузангае известный украинский писатель, автор романа о классике чувашской советской поэзии «Сеспель» Юрий Збанацкий.

Поэтическое дарование П. Хузангая пробуждается очень рано, еще в детские годы. Первая публикация состоялась в 1924 году в журнале «Сунтал» (Наковальня). «...Привыкший думать о печатном слове, как о чуде, я с волнением смотрел на страницы журнала, ощупывал их пальцами: я ли это, мои ли строки?» Но это были действительно его стихи, настоящие, хузангайские, чистые и звонкие. В них молодой поэт воспевал свободный труд свободных людей, которым он в дальнейшем посвятил все свое творчество. Отталкиваясь от народной песни, П. Хузангай поднялся до самых сложных и совершенных форм искусства слова. Все его творчество, очень индивидуальное и своеобразное, глубоко затронуто общечеловеческой культурой. Из чувашских поэтов на него сильное влияние оказали Константин Иванов и Михаил Сеспель. «Поэма «Нарспи», написанная в год моего рождения семнадцатилетним юношей, - признавался П. Хузангай, - до сих пор продолжает изумлять меня, поражает мое воображение. Лично я не знаю другого примера из мировой поэзии, чтобы в таком возрасте с такой беспощадно-реалистической суровостью проник поэт в психологию своего народа и создал целую галерею столь глубоких, правдивых образов.

Другим чувашским поэтом, давшим мне почувствовать силу и красоту родного языка, был Михаил Сеспель. Как подлинный новатор, реформатор чувашской поэтики, он оказал огромное воздействие на мое творчество, утвердил меня в моем призвании, в поисках нового». Пушкин, Лермонтов, Блок, Есенин, Маяковский были для него подлинной школой высокого поэтического мастерства. «Как поэт, я имею много привязанностей и ценю общепризнанных мастеров поэтического слова Востока и Запада от Саади и Омара Хайяма до Гете и Байрона, но предметом моей настоящей любви являются выдающиеся русские поэты. Мечтаю так же глубоко выразить сокровенные думы и чувства моего народа, как удалось это А. С. Пушкину и М. Ю. Лермонтову; стать настолько же чувашским поэтом, насколько русским был С. А. Есенин; хочу научиться с такой же непринужденностью соединять глубокий лиризм с революционным пафосом и гражданственностью, как это делал В. В. Маяковский», - говорил П. Хузангай. И надо сказать, что он на этом поприще, следуя лучшим традициям классиков русской и чувашской поэзии, добился многого. Об этом свидетельствует то, что его произведения - стихи и песни, сказки и поэмы, статьи и очерки получили всеобщее признание; он стал лауреатом Государственной премии Чувашской АССР им. К. Иванова, дважды награждался орденом Трудового Красного Знамени. А за выдающиеся произведения о советской молодежи, за активное участие в пропаганде и издании стихов классика чувашской советской поэзии и М. Сеспеля, ему присуждена премия комсомола Чувашии им. Михаила Сеспеля. В его стихотворениях ярко вырисовывается образ человека советской эпохи, истинного патриота своего Отечества с его глубокими личными чувствами и общенациональными интересами. П. Хузангай никогда не замыкался в узкие национальные рамки. Он часто бывал за границей у наших друзей. И каждый раз возвращался оттуда с новыми

ми стихами и поэмами. Он воспел светлый май в Румынии, страну роз - Болгарию, с Кубы вернулся с поэмой «Дальний полет».

Это чувство сопричастности ко всему тому, что идет от идеалов коммунизма, вошло в сердце П. Хузангая с такими его ранними значительными произведениями, как «Дыши, Баку», «Слушай, Германия», «Марш Автономии» и «Двадцать шесть». Поэт в них разоблачает буржуазную демократию и показывает деградации капиталистического общества, противопоставляя ему успехи социалистического строительства в нашей стране, в родной Чувашии. Здесь уместно вспомнить другое стихотворение П. Хузангая «Мы понимаем», являющееся ответом на злобную клевету французской буржуазной журналистки Луизы Вайс о народах Советского Союза, об их культуре. «Библию перевели на язык самого отсталого племени Северо-Американских Соединенных штатов - Гватемалы, - писала эта служака буржуазии и капитализма в газете «Эроп Ну-вель» в апреле 1931 года. - Перевести ее было очень трудно... Так же, вероятно, было трудно перевести Ленина на киргизский, якутский и чувашский языки. Эту работу выполняли в Москве. Однако хочется знать, что могут понять в напечатанном киргизы, якуты, чуваша?» Выступая от имени тех народов, которых хотела ужалить и унижить буржуазная журналистка, чувашский поэт возмущенно и в то же время гордо писал:

Послушайте-ка,
Барин уважаемый
и все ваши
писаки-врангелы:
Нашего Ленина
понимаем мы
не хуже,
чем вы евангелие,
Каждое слово Ленина

нам
служит оружием верным...
Все мы:
киргизы, якуты, чувашы -
были еще недавно
такими же рабами,
как «ваши»
сирийцы и зуавы.
Но нам,
безголосым и безъязыким,
вчерашним «инородцам»,
сегодня –
солнце, земля и книги,
искусств и науки
колодцы.
Не знали вы этого, Вайс,
когда пером скрипели?
Так знайте...
Победным ключом
наш голос звучит
во всем необъятном мире.

Эти публицистические стихи стали для П. Хузангая подступом к таким этапным произведениям, как поэмы «Магнитту» и «Землеустройство», показывающим самоотверженный созидательный труд советских людей и раскрывающим их высокие моральные качества. Особый интерес вызывает поэма «Магнитту», где в центре внимания находится молодой чувашский парень Федор Редькин, который, попав в рабочий коллектив, постепенно освобождается от частнособственнических устремлений и становится в ряды передовых людей эпохи социализма: от про-

стого крестьянского сына он вырастает до высокочувствительного и квалифицированного рабочего человека. Поэма проникнута глубоким лиризмом, она выявляет в ее авторе творца новых форм жизни и активного участника социалистического строительства в нашей Родине.

Человек и его труд занимают в дальнейшем ведущее место в творчестве П. Хузангая. Его герои - это люди, преисполненные великой гордости за свою страну и чувствующие себя ее полновластными хозяевами. Они живут лишь думой о ее благе, о приумножении ее красоты и богатства. Это о них ведет рассказ П. Хузангай в таких шедеврах лирической поэмы, как «Инспектор», «Сандр-шапковерт», «Ровесники», «Эльдиван», в которых основные персонажи - старые колхозники, хранители лучших трудовых традиций чувашского народа. Один из них, обойдя пешком тучные колхозные поля, где «ни полосок, ни межи», восклицает: «Широка земля!.. Стоит жить!» А за эту жизнь они готовы встать горой, не считаясь ни с чем.

Когда началась Великая Отечественная война, в произведениях П. Хузангая как никогда сильно зазвучала, тема советского патриотизма. В первые же дни войны он создает стихи-клятвы, утверждающие непоколебимую стойкость и мужество советских людей, их твердую уверенность в победе над грозным и жестоким врагом, покушавшимся на свободу и независимость Страны Советов. Поэт верит в неиссякаемые силы советского народа, ибо он: окрылен всепобеждающими идеями гения современной эпохи - В. И. Ленина. Сам поэт участвовал в битве за величавый город на Волге - Сталинград. Тогда клятвой звучали его слова:

Волгою гребень невиданный вспенен,
Будет шуметь он в веках и мирах:
Это - бессмертие родины - Ленин,

С именем чьим победили мы мрак.
Всюду, всегда был и будет он с нами,
Честью, присягою в каждой груди,
Знамя чистейшее, Ленина знамя,
Нас осеняет на нашем пути.

Гимном мужеству и героизму советских людей стала поэма П. Хузанга «Таня», повествующая о бессмертном подвиге Зои Космодемьянской, в образе которой реально воплотилось все лучшее и сильное советской молодежи, русского национального характера: горячая любовь к социалистическому Отечеству, жгучая ненависть к его врагам и готовность биться за Родину до последней капли крови. П. Хузангай с огромной силой раскрыл этот советский патриотизм, и юная героиня, скрывшаяся под простым русским именем Таня - Татьяна, навеки осталась в памяти советских людей, советского юношества.

В годы же войны П. Хузангай приступил к созданию другого крупного эпического произведения о патриотизме советских людей - романа в стихах «Аптраман тавраш». Над этим произведением об исторической судьбе чувашского народа, о его крепких связях с великим русским народом, о его дружбе с народами Советского Союза поэт трудился более десяти лет. Он явился крупным успехом не только самого поэта, но и всей чувашской литературы конца 40-х и начала 50-х годов. В образах людей из рода Аптрамана, людей с твердым и негибким характером: деда Онисима, Ильи, его детей Андрея, Натали, Германа и Павла - нашли отражение многие издревле присущие нашей нации свойства и качества - оптимизм и национальная гордость, трудолюбие и героизм, преданность родному краю и чувство интернационализма. Идейный пафос романа «Аптраман тавраш» в том, что автор показывает, как в условиях социалистического общества чувашский народ поднялся к активному

участию в событиях всемирноисторического значения, выявляет истоки его стойкости, его жизни, радостности и целеустремленностью. Этот роман в стихах крепко «вошел» в жизнь чувашей, а слова «Аптраман тавраш», (мы из рода Аптрамана) стали крылатым выражением. Это произведение, органически сочетающее правдивое изображение картин прошлого и настоящего, богато сдобренное лирическими раздумьями и описаниями красивой природы чувашской земли, оказывает сильное воспитующее влияние на умы и сердца людей.

Большой заслугой П. Хузангая является создание целого цикла прекрасных произведений о В. И. Ленине Среди них особо следует выделить поэму «Дом в Горках» - поэтический рассказ о величии и бессмертии В. И. Ленина, об этом «простом и самом земном человеке», о его человечности и гениальности. Эта поэма П. Хузангая, можно сказать, облетела весь мир и силой своего реализма покорила сердца многих и многих людей в самых отдаленных уголках нашей планеты. Вот как отзывается об этой поэме народного поэта Чувашии Декмакинган Кесхака из г. Борелла на Цейлоне: «Мне трудно судить о качестве перевода. Ведь книга написана на чувашском языке. А мне переводили с русского на мой родной язык. При всех неточностях перевода очень ярко вырисовывается образ простого и скромного человека, имя которого, как пишет Хузангай, обошло весь земной шар, все страны света. В этом достоинство поэмы. Автор хорошо пишет, как Ленин заботился о крестьянстве, о просветителе чувашского народа Иване Яковлеве, о том, как в юношеском возрасте он старался передать свои знания чувашам, которых в царское время не считали за людей. Но Ленин смотрел вперед и верил, что эти народы обретут свободу.

Понравилось мне в книге и то, что автор показывает Ленина в домашней обстановке, просто, без прикрас».

В последние годы жизни П. Хузангай написал много новых и интересных, значительных по форме и содержанию стихотворений и поэм. Большим событием в чувашской поэзии стали его поэмы «Песни Тилли» и «Вздыбленные волны», поэмы-раздумья о трудной и счастливой судьбе народных певцов в прошлом и сейчас. Последнее произведение П. Хузангай является его поэтическим завещанием - халалом-пехилем. Он здесь говорит о своем отношении к поэзии, о ее большой роли в общественной жизни, утверждает свою неразрывную связь с советским народом, пишет о красоте и силе родного языка. Поэт верит в будущее родного языка и обращается к потомкам с пожеланием беречь его как самое ценное, что есть в чувашском народе. Педер Хузангай самоотверженно служил родному народу, его культуре и поэзии. И он с полным правом мог сказать слова, обращаясь к чувашскому народу:

Во мне - все от тебя: и страсть к борьбе,
И радость, и тревога, и покой...
Дуб-батюшка! Я - желудь твой.

Педер Хузангай и его творчество сыграли огромную роль в развитии национального самосознания чувашского народа. Имя поэта золотыми буквами вписано в историю чувашской литературы, в историю всей многонациональной советской литературы.

Друзья мои, прекрасен наш союз...

Слова великого Пушкина любил повторять народный поэт Чувашии Педер Хузангай. Русский поэт восторгался «узким кругом» своих товарищей, многие из которых позже составили первое поколение русских революционеров - борцов за народное дело. Они, как все великие умы России, верили, что настанет время, когда «народы, распри позабыв, в

единую семью соединятся». Чувашский поэт жил и творил в этой единой семье народов, и в слова «прекрасен наш союз» он вкладывал особенный, более широкий смысл. Легко работалось ему в этом прекрасном союзе, где высшим законом является уважение личности и ее таланта, постоянное стремление помочь друг другу создает самые благоприятные условия для подлинного творчества.

При жизни Хузангая мне часто приходилось встречаться с ним, говорить о поэзии, нашей литературе и искусстве. Поэт редко засиживался дома, он очень любил дальние поездки и дружеские встречи. Мне казалось, что нет места, куда не ступала нога нашего Хузангая. Совсем юношей он совершил путешествие в Среднюю Азию, куда он поехал, как признался потом, замороженный «Персидскими мотивами» Есенина, ему хотелось «подышать воздухом Саади и Хафиса, Фирдоуси и Омара Хайяма». Уже на моих глазах, будучи в годах и известным поэтом, он навещал тот или другой новый город, новую область и республику, новый край и страну. И везде у него были друзья и товарищи, всюду его принимали со всеми почестями, как достойного чувашского элчи (посла), выражая этим глубокое уважение не только к самому поэту, но и всему чувашскому народу, честью и славой которого был Педер Хузангай. Здесь на память приходят слова народного поэта Башкирии Мустая Карима, который в своем письме от 4 февраля 1962 года после посещения его лесного края Хузангаем писал: «Я должен сказать, что ты влюбил в себя всех башкир и башкирок, и других тоже. Этому я бесконечно рад. По поэту судят о его народе». Так было везде - в Москве и Ленинграде, Ташкенте и Алма-Ате, на Украине и Белоруссии, в Татарии и Мордовии, Сибири и Средней Азии, Прибалтике и на Кавказе... Поэт был частым гостем в Болгарии, где его знал и стар и млад. Он побывал в Венгрии, Польше, Чехословакии, Румынии, пролетал над Лондоном и Парижем и

с огромной радостью посетил остров Свободы - Кубу, откуда вернулся с большой поэмой с символическим названием «Дальний полет».

Это творение поэта смело можно назвать книгой о высоком взлете чувашского народа, чьи сыновья раньше, при старом режиме, едва могли подняться выше соломенной крыши ветхого сарая, а ныне, в советское время, подают голос из космической дали и светлолицым каэком облетают земной шар, прокладывая вечные пути к сердцам других народов. Вот об этом, о том, как много сделано Хузангаем в этом добром деле, и хочется поведать в своих заметках. И рассказ будет о дружбе, о близких связях Хузангая с другими нациями, с их большими писателями.

...С Николаем Тихоновым Хузангай впервые встретился во время своих «хождений» по Кавказу в молодые годы. Русский поэт ему запомнился навсегда, и всю жизнь Хузангай питал к нему особое теплое чувство, всюду говорил о нем как о простом человеке и большом, по-настоящему русском таланте; не раз сидел с ним за чашкой чая и открыто обсуждал самые важные вопросы, делился своими мыслями, в нужных случаях обращался за помощью и советом. После одного посещения квартиры Тихонова он написал:

«В конце июня прошлого года Вы меня приняли в Вашей квартире. Я Вам оставил наш журнал («Ялав». - Н. И.), где были ваши стихи в моем переводе. Я дерзнул прочесть Вам стихотворение в русском переводе. Вы меня смутили, сказав: «Это - поэзия высокого дыхания...» Ваши слова обязывали меня серьезней отнестись к своему сборнику («Поют дубравы», М., 1953. - Н. И.)...

Я решаюсь послать Вам, дорогой Николай Семенович, мой первый опыт. Зная Ваше страстное равнодушие к поэзии, я утешаю себя мыслью, что, может быть, Вы заглянете и в мои страницы. А получить от старшего собрата слово участия - одобрения и порицания, делового разбора - было бы для меня настоящим счастьем.

Желаю Вам доброго здоровья в Вашей плодотворной, многогранной работе. Преклоняюсь перед Вашей, достойной подражания, мужественной жизнью». (Из письма от 6 октября 1953 г.)

Это чувство, нежное и братское, никогда не покидало Хузангая. В 1962 году он создает стихотворение «Человек с альпенштоком», книгу с этим произведением-посвящением посылает Н. Тихонову и вскоре получает от него очень теплое и душевное письмо.

«Дорогой Петр Петрович! - пишет русский поэт. - Ваше сердечное послание в стихах было для меня большой радостью.

Услышать голос собрата, говорящего свое слово о мире и человеке, всегда хорошо, но услышать это слово, посланное памятью сердца, это чрезвычайно радостно, тем более нам - поэтам, как говорят, старшего поколения.

Приветствую Вашу новую книгу («Стихи», М., 1962. - Н. И.), цикл «Послание друзьям». Когда-то славный Сулейман Стальский сказал: поэт поэта узнает по голосу!

И сейчас, услышав и узнав голос дружеский, искренний, вдохновенный - голос друга и поэта, я выражаю Вам свою глубокую благодарность и шлю самый сердечный привет!

Желаю Вам больших человеческих радостей и больших вдохновений!» (Из письма от 31 мая 1963 г.)

К этому же времени относится знакомство и сближение Хузангая с Анатолием Софроновым, бессменным редактором журнала «Огонек», много сделавшим для пропаганды национальных литератур библиотекой «Огонька».

С первой же встречи с этим известным русским поэтом, драматургом и публицистом у Хузангая устанавливается дружеская и деловая взаимосвязь. Это видно во всем - в письмах Хузангая А. Софронову, в

факте издания сборника стихотворений его под названием «Высота» в библиотеке «Огонька» (М., 1960).

«Дорогой Анатолий Владимирович! - обращается Хузангай к А. Софронову 31 августа 1959 г. - Месяц назад я послал Вам свой двухтомник («Избранное», Чебоксары, 1958). Вряд ли Вы его прочтете полностью: все мы страшно загружены. А может быть, и полюбопытствуете. В нем новое для нашей практики то, что есть немало переводов автора; есть вещи, написанные прямо по-русски. О них-то больше всего я и хотел бы услышать мнение мастеров русского стиха.

Вы меня слушали в Свердловске и сказали, что можно будет включить мою книжку в план библиотеки «Огонька» на 1960 год. Не хочется думать, что это была простая вежливость. Я печатаюсь 35 лет. Но в большой литературе меня знают меньше, чем, скажем, юношу Р. Гамзатова, да хранит его Аллах! Не говорю уже о Кирсанове, Долматовском, Алигер и иже с ними... Как-то не умею «продвигаться», не обладаю «пробивной способностью». Как один из аккуратных читателей нашей многонациональной поэзии скажу все же, положив руку на сердце: есть и в моих вещах нечто оригинальное, достойное большей популяризации. Правда, кое-что в этом плане делается: Союз писателей за все время издал две тощие книжки («Поют дубравы». Стихи. М, 1953; «Дом в Горках». Поэма о В. И. Ленине. М. 1955. - Н. И.), Гослит - плохо оформленное «Избранное» («Стихи и поэмы». Однотомник, М., 1959. - Н. И.) со множеством ошибок, которое Вам показал в Свердловске и сегодня посылаю на дом. На днях увидел книгу «Вместе с народом» - сборник статей («Советский писатель», 1959). Из семи статей одна посвящена мне. Тронуло, что Институт мировой литературы заметил меня и поместил в одну шеренгу с В. Лацисом, Т. Табидзе, Г. Ибрагимовым, И. Микитинко, А. Головки и А. Лахути. Думаю, что не испорчусь...

В библиотеке «Огонька» я никогда не издавался. Если Вы найдете нужным включить мою книжку в план, я просил бы поставить меня в известность заранее. Мне хочется предложить лирику с названием «Высота». Это стихотворение опубликовано в «Литературе и жизни» накануне XXI съезда КПСС и его нет в книгах. Хочется включить еще кое-что из нового: «Мушайра», написанное в Ташкенте (там есть строфа и о Вас, о Вашем «Ай лав ю» - исторический факт!), стихи, вышедшие в «Огоньке»; вещи о Румынии и Болгарии, которые работаются сейчас. На фоне дружбы красной нитью пройдет тема России, отношения к русскому народу».

Так может говорить только равный с равным, эта может быть только в нашей чудесной стране, где у каждого в сердце глубоко запало «чувство семьи единой» (П. Тычина). В этом письме подкупает еще то, что Хузангай не утаивая говорит о своих обидах, о своих желаниях, твердо веря, что русский собрат с пониманием отнесется к нему. Эта же мысль не покидает, когда читаешь его другое письмо от 11 февраля 1960 года, в нем он с еще большей доверчивостью делится своими поэтическими планами... и недугами, что возможно только между близкими и родными.

«Я несколько задержался, - сообщает Хузангай, - с предоставлением проспекта книжки: автомобильная катастрофа 23.XI.59 меня уложила в Боткинскую больницу...

Знаю, Вы загружены до предела. Все же еще раз прошу Вас, может, сумеете уделить полчаса, чтобы перелистать рукопись. Мой печальный опыт подсказывает мне, что в аппаратах редакций подчас «проверяют алгеброй гармонию».

Вскоре «Высота» вышла. Многие произведения из этого сборника на русский язык переведены самим поэтом. Это говорит о том, что в многоязычной семье, каким является Советский Союз, знание и умение пользоваться другими языками, в данном случае, русским, является жизнен-

ной необходимостью, а в других случаях - средством приобщения к иной культуре, а также участия в ее обогащении. «Двуязычие» - так оценивают это явление ученые. Однако это не является выражением «сверхъестественности», а есть порождение тех условий, которые с исторической необходимостью утверждаются в социалистическом обществе.

У русских поэтов о Хузангае было одно мнение - все они видели в нем поэта настоящего, подлинно народного. Хузангай не стыдился показывать им свои стихи, помня, что его звезда находится в зените и что она должна быть видна со всех сторон светлого мира...

Ошибочно думать, что Хузангай легко добился признания своего таланта. Ему приходилось временами выслушивать горькую, но справедливую критику своих русских собратьев по поэзии.

В 1952 году, когда Хузангай набрался сил «дебютировать» как художник в поэзии на русском языке, от Н. Грибачева, тогда редактора «Литературной газеты», получил такой «лестный» отзыв на свое стихотворение «Остановить»:

«Я прочитал стихотворение «Остановить». Думается мне, что редколлегия не пойдет на его печатание. Причин две. Первая из них заключается в том, что стихотворение лишено стройной композиции и единства, в нем отдельные мысли живут сами по себе, возникают и исчезают от строфы к строфе без той обязательности связи с предыдущим и последующим, которая только и делает произведение монолитным.

В целом стихотворение лишено точности и ясности мысли. Кроме того, в чисто литературном отношении многие строфы и строки сделаны слабо. Я понимаю, что это зависит от перевода, но это факт, который нельзя не учитывать.

Таковы мои замечания. Я ничего не знаю о поступлении стихов в газету, так как не бываю из-за перегруженности на заседаниях редколле-

гии. Я просто высказываю свое мнение, а как будет решать вопрос редакция - не знаю.

Прошу простить за прямоту, но думаю, что это лучше, чем обтекаемые фразы». (Из письма от 10 апреля 1952 г.) К словам последнего абзаца письма Хузангай сделал пометку: «Очень хорошо. П. Х. 14.4.52». Нужны ли здесь какие-нибудь комментарии? А через семь лет, когда Хузангай приобрел в советской поэзии «свой голос», прочитав его двухтомник на русском языке, Н. Грибачев пишет:

«Только сейчас, после поездки, а потом болезни в два захода, собрался написать. Искренне прошу прощения! Впрочем, не стану лукавить - хотелось мне, чтобы вышел и мой двухтомничек для ответного дара. Теперь в порядке.

Вы правы - мы недостаточно читаем друг друга, но объясняется это вовсе не тем, что друг к другу равнодушны, а тем, что все мы перегружены невероятно, а помимо того хочется и писать. Стройки, войны, общественные дела, дороги - вот наш удел. И так мало осталось и остается для творчества! И все же я за Вами следил, - то прочтешь что-либо, то услышишь доброе, - и радовался. Сейчас, когда у меня два тома стихов Ваших, я испытываю огромное удовлетворение от того, что Вы так много сделали. Очень много! И хочется думать, что это - залог большего.

Да будет так!

Было бы смешно, если бы я стал оценивать стихи - Вы сами мастер. Мне нравится, что близки к народной жизни; нравится простота и сердечность. Если же выбирать, то по душе мне не столько «Польские этюды» и «Письма из госпиталя», сколько лирика другого рода - «Осенние мотивы», «Ненастье. Осень. Ветер глухо...», «Поэт» и многие другие. Здесь зрелость, глубина чувства, мужество, а это - великое дело для поэзии. Что касается стихов фронтовых, то, хотя в них все на месте, я к ним немного остыл, и как легко заметите, своих тоже не жалею -

большинство исключил из всех изданий. Может быть, субъективный скепсис? Возможно.

Поэмы успел только просмотреть, читать буду потом, когда выдастся досуг. Не везде удовлетворителен перевод, но это - общая беда (сужу, конечно, не по оригиналу, а по языковым штампам, идущим целиком от русского языка). Что ж еще?

От всего сердца поздравляю и желаю здоровья, творческого задора, новых успехов. Работы у нас - непочатый край».

Эти и другие письма, относящиеся к 50-м годам, продиктованные лучшими чувствами его друзей и товарищей по поэзии, сделали свое важное дело: Хузангай обрел новые крылья и витал у всех на виду - не было ни одного форума советских писателей при его жизни, чтобы не называлось его имя в числе тех, кто составляет гордость советской поэзии. Позволю себе привести одно место из доклада Михаила Дудина «О советской поэзии» на VI съезде писателей Союза ССР, который состоялся 22-27 мая 1967 года, за два с лишним года до жизненной трагедии Хузангая, безвременной смерти от тяжелой болезни. «...Я думаю, - сказал тогда популярный в народе русский поэт, - что прекрасным белорусским поэтам Максиму Танку, Пимену Панченко и Анатолию Велюгину не надо объяснять того, что их мир, их поэтические души были бы беднее, если бы они не общались с поэзией Платона Воронько или Леонида Первомайского. А певцу Молдавии! Емилиану Букову было бы тяжелее, если бы он не чувствовал плечо Наири Зарьяна, Петра Хузангая и Сайфи Кудаша. И Ивану Тарбе и Баграту Шингубе было бы более одиноко в этом мире без доброго соседства лакского поэта Юсупа Хаппалаева и без дружбы с прекрасным лириком Мирзо Турсун-заде. И редкостному стихотворцу Якутии Семену Данилову, наверное, легче от сознания того, что в далекой от него Латвии работают Юлий Ванаг и Валдис, и тонкой поэтической душе Мирзы Кемпе наверняка теплее в этом мире от созна-

ния того, что в далеком Ташкенте бьется в унисон ее песне трепетная песня узбечки Зульфийи. И Якову Ругоеву белые ночи Петрозаводска казались бы темнее, если бы на его горизонте не было видно блистательных звезд поэтической Грузии». Это было поколение Хузангая, со многими из них он был в дружбе, со многими из них он был постоянно «в одной упряжке». Сейчас я назову только двоих - якута Семена Данилова и лака Юсупа Хаппалаева. Люди разного возраста, они умели дружить друг с другом, ценить эту дружбу. «Мой друг Хузангай» - так назвал свою статью С. Данилов, которую он посвятил 60-летию Хузангая («Литературная газета», 1967, февраль). «Жизненный путь поэта, - пишет он в ней, - не был легким, но что бы ни преподносила ему судьба, он всегда оставался скромным и неустанным тружеником. Несколько лет я знаю Хузангая. Мы часто встречаемся, постоянно переписываемся. И я никогда не видел его без дела.

И еще об одной черте его натуры мне хочется сказать - о доброте. Он всегда заботится о ком-нибудь, кому-нибудь помогает. И его пламенная поэзия зовет к труду, бескорыстному служению народу, добру, свету и широте душевной».

О Хаппалаеве Хузангай рассказывал:

«Вот уже идет второе десятилетие с тех пор, как я встретил на жизненном пути Юсупа Хаппалаева. Это было осенью 1955 года в Москве. Знаменитый Дом Герцена, где помещались Высшие литературные курсы, стал для нас - разноязычных советских литераторов - подлинным домом дружбы. На фоне большого коллектива, как всегда, намечаются более тесные, интимные группы и группки. Они никем не могут быть предусмотрены. Это - родство душ, взаимное влечение сердец, - иногда при очень различных литературных симпатиях и творческих приемах. С Юсупом мы нашли сразу что-то общее, несмотря на почти десятилетнюю разницу в наших возрастах. Я увидел в нем, прежде всего, челове-

ка прекрасного, мудрого без менторства, скромного, но с полным сознанием собственного достоинства, отзывчивого и чуткого без навязчивости, тактичного и интеллигентного как бы от самой природы.

Я подумал, что такой человек не может быть плохим поэтом. С годами я все больше убеждался в этом. Мне понравилась его философская лирика, уходящая своими корнями в многовековую народную мудрость». Хузангай не ошибся в оценке Ю. Хаппалаева, он был и остается его близким другом, бережно хранящим память о нем.

Летом 1959 года в Чегемском ущелье Кабардино-Балкарии открывали памятник аксакалу балкарской литературы Кязиму Мечиеву. На торжество съехалось очень много людей. Среди гостей находился Хузангай, приехавший в Нальчик для участия в выездном заседании правления Союза писателей РСФСР. Здесь произошел, на первый взгляд, забавный, но имеющий глубокое значение эпизод.

Местные жители подарили Леониду Соболеву, возглавлявшему делегацию русских писателей, живого туренка. Он принял его с большой благодарностью и... в знак любви к свободе выпустил в горы. Это запомнилось Хузангаю, и он, увидев в этом гуманном жесте русского писателя явление с глубоким смыслом, написал стихотворение «Туренок» и опубликовал в «Литературной газете». Оно появилось в печати очень кстати и получило в Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии широкую популярность.

«Я не знаю, - писал об этом чечено-ингушский писатель Идрис Базоркин, - задумались ли другие поэты и писатели над поступком товарища Соболева. Понимали ли они великое, гуманистическое и символическое значение его, когда он даровал свободу туренку на земле кавказских горцев. В нем была ярко обозначена и такая мысль, что нашим народам, как и пленному туренку, партией навсегда возвращена свобода и

родина, и сделано это руками русского человека. Помимо этого «Туренок» говорил, что автор его умный, человек чуткий, гуманный политик».

«Туренок» помог Хузангаю приобрести нового друга в горах Кавказа, и эта дружба Хузангая с И. Базоркиным стала новой страницей в исторических связях с народами Чечено-Ингушетии и Кабардино-Балкарии, которые с древних времен имели много общего как в материальной, так и в духовной культуре.

С этого и началось. Не зная друг друга в лицо, они долго обменивались теплыми письмами, дарили свои книги. А у Хузангая дарить книги, свои и чужие, было душевной слабостью и постоянной потребностью. И на них всегда можно было видеть теплые надписи. Посылая 25 мая 1967 года «Книгу дружбы», он сделал такую надпись: «Дорогому Идрису Базоркину - моему современнику-единомышленнику, сыну своего народа, великого в своем самосознании, в трагедии и вере, потому и близкому мне - интернационалисту по своей чувашской сути...»

В 1969 году И. Базоркин выпустил роман «Из тьмы веков» - крупное историческое повествование о родном народе. И читатели, и критики встретили его с единодушным одобрением. Но писателю хотелось узнать мнение Хузангая.

«Я отослал ему роман не без волнения, - вспоминает И. Базоркин. - Я уже знал, как беспощаден в высказываниях о литературе мой друг. Знал, еще и по нашему уговору, что он выскажет мне свое мнение независимо от наших взаимоотношений. Ответ пришел не сразу...»

В это время Хузангай тяжело болел, но все же нашел время и силы прочесть роман И. Базоркина и откликнуться на него добрым и умным словом. Несомненно, что его письмо стало достоянием тех, кто ценит и понимает истинную художественную литературу. Вот оно, это письмо.

«Москва. 4.VI.69.

Ассалам алейкум, дорогой Индрис!

Ты мне доставил огромную радость. Почти месяц я не расставался с твоим романом. Читал его у себя на Волге, в Москве, в Ленинграде (ездил к сыну и дочери), в пути... Кончил 1.VI, когда приближался к Белокаменной. И вздохнул, что пришлось расстаться... Тавсси тебе! - Пасиба.

Ты мне открыл свою страну, свой народ. А об этом мечтает каждый настоящий художник. Неповторимое, национальное проявление общечеловеческого захватило меня. Пережитки язычества так близки нашим недавним язычникам, очутившимся между полумесяцем и крестом! Много общего я отметил для себя. Ведь были и у нас мухаджеры. В 60-х годах XIX века 35000 чуваш, приняв здесь магометанство, эмигрировали в Турцию - из Саратовской губернии. О судьбе их написана небольшая брошюра на чувашском языке «Константинопольские чуваша» в начале века.

Величественны, красочны, глубоко человечны, целомудренны сцены встречи Солнца. Все - и наше, тысячелетнее!

Книга читается. Тянет».

И. Базоркин по достоинству оценил это письмо Хузангая, оно было для него настоящим откровением настоящего друга, имеющего острый глаз на подлинное произведение искусства, художественного творчества. «Об этом романе написаны десятки рецензий, монографии, диссертации, - пишет И. Базоркин. - Я получил сотни писем. Но все они вместе взятые не составили для меня значения большего, чем страничка Хузангая».

«Чувства локтя нам не хватает подчас», - сокрушался временами Хузангай. А читая его письмо И. Базоркину, думаешь с болью о том, как в иных случаях, в делах литературных недостает хузангаевской честности.

Необъятно было «жизненное пространство» Хузангая. И в труде, и в поездках он был неутомим. Везде и всюду он оставлял свой глубокий

след. Он был один из тех, кто лучше и глубже понимал величие и емкость слова «дружба». Он был из тех, кто умел развивать и укреплять эту дружбу. И, наконец, он был из тех, кто с восторгом мог воскликнуть: «Друзья мои, прекрасен наш Союз! Союз Советских Социалистических Республик!»

1982

Душ великое родство

В стране готовились к большому форуму советских писателей. Они шли к своему второму съезду, который должен был состояться осенью 1954 года в Москве. Педеру Хузангаю хотелось в те дни, по доброй традиции нашего народа, подготовить для своих братьев по перу подарок, который был бы сродни нашим чудесным вышивкам и звонким песням. И он, будучи человеком неумейной энергии и подлинного таланта, сумел подготовить этот подарок. Им стала книга «Родные голоса», где в одном большом хоре чудными голосами на чувашском языке запели многие и многие советские поэты.

Вот что писал об этом издании народный поэт Латвии, Герой Социалистического Труда Ян Судрабкалн:

«Перелистываю Вашу книгу и думаю о многом. О чудесной дружбе советских народов, о чудесной судьбе этих народов, об их стремлении поближе познать друг друга и о том, что все мы понимаем друг друга с помощью русского языка. Ваша книга составлена умно и прекрасно, охватывает не только нашу Родину, но и страны наших друзей...»

С этой книги началась у чувашского поэта поистине большая и искренняя дружба с большим поэтом янтарного края. Они раньше мало знали друг друга, но их сдружила общая забота о советской литературе, «чувство семьи единой», и в этом они достигли многого, о чем свидетельствует их дружеская переписка, длившаяся почти два десятилетия.

Письмо-отклик Я. Судрабкална глубоко затронуло сердце П. Хузанга. В своем письме от 10 февраля 1955 года он пишет:

«Ваше письмо тронуло до глубины души. Благодарю Вас за столь высокую оценку моего, в сущности, весьма скромности труда. Переводы эти мною были сделаны в разные годы. Есть вещи почти десятилетней давности, как стихи Исаакяна, Твардовского... Я с удовольствием поработал над стихами Тихонова, Тычины, Капутикян, Рыльского, Тувима, Хикмета... Ряд произведений Маяковского я перевел еще в 1931 году. Вторым изданием вышла в свет в 1950 году его поэма «В. И. Ленин». Здесь представлены «Левый марш» и «Во весь голос», впервые опубликованные мною также в 1931 году вместе с «Разговором с фининспектором о поэзии» и «Прозаседавшимися».

Далее поэт говорит о своем интересе к латышской поэзии, к стихам Я. Райниса и сообщает:

«Яниса Райниса я читаю давно. Признаюсь, я робел перед этим мощным художником, философом и, видимо, музыкальнейшим (в оригинале) лириком самых интимных переживаний. Ничего не подделаешь! Приходится верить в честность и правдивость русских переводчиков, которые являются своего рода индукторами...

Я посылаю Вам, - продолжает чувашский поэт, - мою скромную книжку «Поют дубравы». Как ни странно, я получил отзыв даже из Австралии. В ней есть строки, написанные о Вашей янтарной Латвии».

Вслед за этим письмом П. Хузангай посылает Я. Судрабкалну поэму «Дом в Горках» и 1 января 1956 года получает от него теплую телеграмму:

«Дорогой, глубокоуважаемый Петр Петрович! Желаю Вам здоровья, счастья, новых творческих успехов в новом году. Благодарю за поэму, за радость, которую доставляет Ваше творчество, за дружбу. Желаю Вам и чувашской литературе новых прекрасных достижений».

В это время П. Хузангай учился в Москве, на Высших литературных курсах («Я вздумал немного освежить мои не очень основательные знания... Мои друзья утешают изречением: «В нашей стране учебе все возрасты покорны», - сообщал он своему другу 12 октября 1955 года. И вернувшись на время в Чебоксары и обнаружив на рабочем столе телеграмму Я. Судрабална, «был приятно удивлен» и сразу же засел за ответ.

«Я чувствую потребность выразить Вам мою почтительную благодарность: тавтабусь! (спасибо!), - пишет он 15 января 1956 года. - Желаю Вам в новом году больших творческих успехов, крепкого здоровья, постоянного вдохновения. Жалею, что я не смог побывать ни на одном вечере латышского искусства и литературы. (Это были дни литературы и искусства Латвии в Москве. - Н. И.) Совпало с нашей студенческой страдой, а у меня чувство соревнования в сердце: не хочу отставать от молодежи в учебе. Следил по прессе, прочел у Тихонова о Вас - очень интересное и поучительное. Льщу себя надеждой восполнить мои пробелы по Латвии - литературной (пока!) и поездкой еще раз и специально на берега - Ваши берега - Балтики. Желаю Венной молодости Вашей Музе! Пусть живет и здравствует преемница великого Райниса - мыслящая, ясная, беспокойная и ищущая латышская поэзия».

С этого времени о нем и чувашском народе начали писать и писать много в газетах Риги. В журнале «Женщины Советской Латвии» в переводе М. Рудзитиса было опубликовано стихотворение П. Хузангая «Раковина», выражающее его беспредельное чувство дружбы к людям, подарившим ему «раковину звонкую, витую» со дна глубокого моря на добрую память о водном крае, где в крике вольной чайки слышится голос свободного латышского народа. Это же чувство не покидает ни на минуту Я. Судрабална, и он в день Великого Октября, открывшего народам широкий путь к сердцам друг друга, посылает к берегам Волги теплые слова:

«Дорогой товарищ Хузангай, вернулся я с праздничной демонстрации в колонне писателей и снова почувствовал, как хорошо жить в братской семье, где у каждого из нас столь много друзей. Хотелось бы обнять всю страну и чувашских братьев и поблагодарить Вас за прекрасные стихи Ваши».

День за днем переписка между П. Хузангаем и Я. Судрабкалном становится глубже и плодотворнее. С письмом от 23 декабря 1957 года П. Хузангай посылает Я. Судрабкалну собрание сочинений Константина Иванова и сообщает, что «поэма «Нарспи» - подлинное народное произведение в высоком смысле этого слова» и «она переведена на языки русский, украинский, татарский, башкирский, марийский, удмуртский, мордовский». П. Хузангай озабочен тем, чтобы издать «Нарспи» на латышском языке, и рассказывает своему старшему другу о письме из города Талси от заведующей районной библиотекой Я. Талэ. Она просит П. Хузангаю прислать для библиотечного уголка «Дружба народов» книги о Чувашии и пишет: «Мы хотели бы поближе познакомиться с литературой Вашего народа, с Вашей республикой, с искусством Вашей республики и поэтому, если это Вас не затруднит, просим прислать нам Ваши книги, книги об искусстве Вашей республики или историю литературы». П. Хузангай об этом говорит восторженно, и чувствует, что ему очень пришлось по душе «милое письмо из Латвии».

Он от чистого сердца благодарит латышского поэта за его «братские чувства к чувашам, поднявшимся почти из небытия, благодаря Великому Октябрю, Ленину», и вместе с этим посылает ему пламенные стихи Мишши Сеспеля. В ответ приходит очень трогательное письмо.

«Дорогой чувашский народный поэт, - писал Я. Судрабкалн. - Благодарю Вас за Ваши прекрасные подарки, за собрание сочинений Константина Иванова и сборник стихов Мишши Сеспеля «Стальная вера...»

Поэма «Нарспи», как и Ваши и Сеспеля стихи, породили у меня много мыслей. Большинство из них светлые и радостные, вернее - все они хорошие...»

Вскоре П. Хузангай написал послание в стихах и опубликовал его в газете «Советская Латвия». В нем он открыто говорит о своем неподдельном чувстве уважения к «высокому другу и наставнику» из янтарной страны:

О душ великое родство
И счастье - хоть
на расстоянье
Почувствовать биенье пульса
Художника, который видит
Все те же краски, что и ты;
Но все таким покажет вдруг,
Что, посмотрев, сам станешь чище...

Эти строки глубоко тронули душу Я. Судрабкална.

«Русские классики, да и не только русские, всегда почитали эпистолярную поэзию достойной самого глубокого внимания, не заглохла она совсем и в наше время, но все еще не пользуется прежней популярностью. Иные критики у нас, кажется, видят в ней сугубо личные дела, переписку, касающуюся только обоих корреспондентов... А в посланиях к друзьям поэты могут очень свободно, естественно, правдиво ставить и решать весьма серьезные вопросы самого широкого общественного звучания. Разные красочные детали, философские размышления, колорит определенного места и эпохи и интимные, сердечные ноты - все это придает в моих глазах письмам, посланиям поэта особое очарование...»

Имя народного поэта Чувашии П. Хузангая к тому времени становится широко известным. Его стихи и поэмы печатаются в Чебоксарах, в Москве, в Грузии, на Украине, в Болгарии, в Венгрии. Они залетают на

Кубу и Цейлон, в Африку и Австралию. Это дает право Я. Судрабкалну сказать о П. Хузангае полные высокой правды слова:

«...не виделись мы никогда, но Вы крепко вошли в мою жизнь, и знаю я о Вас уже довольно много, и все то, что знаю - хорошо, прекрасно. Славно Вы, как народный поэт, служите своей республике, дорогой Чувашии, и всему Советскому Союзу, значит, и всему человечеству».

Эти слова написаны на маленькой реке Светупе 11 июля 1961 года. А через два года два народных поэта встретились под Ригой.

Мы благодарны члену-корреспонденту Академии наук Латвийской ССР Яну Судрабкалну за ту высокую оценку, которую он дал Педеру Хузангаю, своему младшему собрату в «горячем цехе» большой советской поэзии. Латышский поэт прислал слова сердечного приветствия в адрес чувашского народа в один из его праздников национального возрождения. Они очень уместны и полнозвучны сейчас, когда приближается 60-летие образования Союза Советских Социалистических Республик.

«При Советской власти распрямили свои плечи и с пламенным увлечением отдались строительству новой свободной жизни все народы Великой страны. Расцвела дружба братской семьи, завязались новые знакомства, раскрылись перед глазами изумленного света, засверкали чудесные богатства культуры больших и малых народов.

Богат дарованиями, смелыми и зоркими людьми чувашский народ, и за его ростом, непрерывным и ярким, следит, радуется его успехам вся страна...

Чувашский народ во всех отраслях материальной и интеллектуальной культуры создал замечательные ценности, внес значительный вклад в сокровищницы братской семьи. Своим целеустремленным трудом народ-орденоносец укрепляет мощь государства Серпа и Молота, достойно борется за мир во всем мире. Пусть новые трудовые подвиги прославят чувашский народ!

Засиял во всей своей красе чувашский фольклор, чувашские писатели создали книги, которые полюбились миллионам читателей. Скупы были отпущены судьбой годы жизни Константину Иванову, но поэт успел разбудить новые мысли в народе, его поэма «Нарспи» привлекает сердца, ясная и приподнятая. Мишши Сеспель, Яков Ухсай, Педер Хузангай и вся семья чувашских поэтов охватывают в своих стихотворениях и поэмах жизнь социалистической Чувашии, мир чувств и мыслей народа, перекликаются со всей страной и человечеством. Пусть растет и ширится чувашская литература, пусть поэты, прозаики, драматурги, критики еще ближе подойдут в своих произведениях к современным темам...

Эти слова Я. Судрабкална звучат для нас добрым напутствием.

«Чудесна поистине советская дружба народов!» - восклицает он в том же письме.

Этой дружбой мы будем дорожить вечно.